

УДК 93/94

*Палабугин В.К.*¹

КАК Я СТАЛ ИСТОРИКОМ

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Palabugin V.K.

HOW I BECAME A HISTORIAN

Bunin Yelets state University

Реферат: Мы продолжаем публиковать мемуары Палабугина Виталия Константиновича (1940-2016), проработавшего в 1967-2012 гг. в Елецком пединституте (университете) и написавших их в 2008 г. Во второй части публикации освещается его аспирантский период (1964-1967), прошедший в стенах Института истории АН СССР. Наибольший интерес представляет восприятие атмосферы академического учреждения молодым человеком из провинции. Он являлся очевидцем многих событий, происходящих в исторической науке. Иллюстрации и примечания – редакторская работа.

Ключевые слова: Палабугин Виталий Константинович, Институт истории АН СССР, аспирантские годы, Ю.В. Арутюнян, И.И. Мини, Н.А. Иванецкий, В.П. Данилов, Ю.А. Поляков, В.Ф. Зыбковец, А.Л. Сидоров, профессор Б.Ф. Поршнев.

Abstract: The author of the memoirs – Palabugin Vitaly Konstantinovich (1940-2016). He was an associate Professor at the Yelets pedagogical Institute (University) (1967-2012). Memoirs written in 2008. We continue to publish memoirs. It tells about his studies at the graduate school of the Institute of History of the Academy of Sciences (1964-1967). Of greatest interest is the perception of the atmosphere of an academic institution He was an eyewitness to many events taking place in historical science.

Keywords: Palabugin Vitaliy Konstantinovich, Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR, graduate years, Yu.V. Harutyunyan, V.P. Danilov, N.A. Ivanitsky Yu.A. Polyakov, V.F. Zybkovets, A.L. Sidorov, Professor B.F. Porshnev, I.I. Mintz.

¹ Палабугин Виталий Константинович – кандидат исторических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. О нем см.: [2].

....В конце августа я поехал в столицу. В Институте истории меня оформили в качестве абитуриента, дали для проживания адрес одной подмосковной хозяйки. Там оказались еще несколько таких же соискателей, как я, но по другим наукам. Весь сентябрь я ездил в Москву, готовясь к экзаменам. Обычно работал в Исторической библиотеке. В отличие от главной – Ленинской, в этой народу было поменьше и поспокойнее. В самом Институте нам читали обзорно проблемные лекции по истории СССР. Читали сравнительно молодые сотрудники Института, но весьма квалифицировано. Все-таки московская историческая школа. В конце сентября состоялись приемные экзамены. Я их сдал удачно, реферат мой понравился. Вообще, меня обещали зачислить.

После экзаменов я уехал в свой Кордон. В конце октября получил из Москвы извещение, что зачислен и быстро укатил в столицу. Аспиранты жили в громадном 10-этажном общежитии (угол Вавилова и Дм. Ульянова). Сам Институт истории находился в двух кварталах далее по ул. Дм. Ульянова на углу с ул. Профсоюзная. Пятиэтажное здание Института занимало несколько учреждений. На первом этаже была библиотека, читальный

зал, всякие административные службы. В подвале – столовая, технические службы. На втором этаже находился Институт археологии. Третий этаж занимал Институт истории СССР, четвертый – Институт всеобщей истории. До 1972 г. оба этих института составляли единый Институт истории, а в 1972 г. его разделили на два автономных. На пятом этаже находился Институт этнографии. Вообще-то, здание строилось для какого-то академического института биологии, но биологи отказались. И тогда здание отдали гуманитариям.

Всего в 1964 г. в аспирантуру было зачислено 12 человек: 8 на историю СССР, 4 – на всеобщую историю. Среди зачисленных на историю СССР только двое оказались из провинции. Остальные были или выпускники МГУ или работники архива. Таковых было двое, и они так и не защитились, не стремились к этому, лишь бы в личном деле оказалась запись, что они обучались в аспирантуре. Была еще девица – экскурсовод из Архангельской природной усадьбы-музея. Тоже так и не защитилась.

На первом собрании аспирантов нам объявили распорядок работы. Мы были, как и все штатные сотрудники, обязаны два дня в неделю (вторник и четверг) быть в

Институте (присутственные дни), в остальные дни работать в библиотеках, архивах, готовиться к кандидатским экзаменам по философии, иностранному языку, специальности, т.е. истории СССР. Через год мы сдавали экзамены и далее готовили диссертации. В конце третьего года пребывания мы должны были защитить свои диссертации и устроиться на работу. Никакого распределения новоиспеченных кандидатов Институт не проводил, так что мы сами должны были трудоустроиваться.

Каждый из нас выбрал по четыре проблемные темы, которые надо было готовить к экзамену по специальности. Я себе взял следующие темы: 1) социально-экономические особенности российского феодализма; 2) возникновение российского абсолютизма; 3) экономические особенности российского империализма; 4) история многотомного издания «История гражданской войны в СССР».

Учебные занятия у нас раз в неделю проводились только по иностранному языку. Я занимался английским, который вела с группой аспирантов дочь генерала Орловского (тот был у маршала Конева заместителем по танкам).

Занятия проводились в здании академического Института философии.

У меня возникли проблемы с темой диссертации. Определили мне в декабре 1964 года научным руководителем доктора исторических наук Ю.В. Арутюняна, известного специалиста по истории советского крестьянства в годы Великой Отечественной войны [1]. Он выпустил на основе своей докторской интересную книгу. Я ее еще до аспирантуры прочитал. Но как раз в момент моего зачисления с ним произошла неприятная история. Была еще хрущевская оттепель. Один из его аспирантов подготовил статью, в которой содержалась острая критика партийного руководства сельским хозяйством. аспирант сдал эту статью в институтское машинописное бюро. Бдительные машинистки быстро выявили крамолу, донесли начальству. Аспиранта немедленно отчислили, а Арутюняна из Института истории «перевели» выше – в Институт этнографии, где он начал заниматься вопросами общественной социологии. Но моим научным руководителем он остался. Надо сказать, что, несмотря на все передраги, мой шеф свой научный авторитет даже упрочил.

И вот, Арутюнян предложил мне тему по истории генетики в СССР, как Т. Лысенко и Н. Вавилов дубасили друг друга. Лысенковский институт генетики был недалеко от нашего общежития. Совет института тему не утвердил, поскольку я не имел биологического образования. И тогда после долгих разговоров мы сошлись с Арутюняном, что лучше взять традиционную тему. И мы определили ее так: «Развитие материально-технической базы сельского хозяйства РСФСР в первые послевоенные годы (1946-1956)». Тема эта не требовала работы в партийных архивах. Меня туда бы не допустили, поскольку я тогда не был членом КПСС. А в гражданских архивах материала было предостаточно.

Арутюнян дал мне важные советы: прежде, чем идти в архивы, надо проштудировать всю доступную литературу по теме, чтобы не делать в архиве «открытий». И, вообще, овладеть существом проблемы. Изучая литературу, обращать внимание на время изучения, комментарии. Проверять по всем источникам документальные публикации, мемуары, чтобы выявлять расхождения и делать выводы о степени достоверности подобных источников.

В основном я работал в Ленинской библиотеке. Там был хороший, подробный каталог практически всех изданий по моей теме, и, соответственно, вся эта литература и исследовательская, монографическая, и популярная, публицистическая. Посещал я также Историческую библиотеку. Кроме того, навещался в библиотеку Института научной информатики по общественным наукам (ИНИОН), смотрел здесь переводные материалы с иностранных языков. ИНИОН выпускал сборники, в которых давались краткие аннотации работ иностранных исследователей, пользоваться этими сборниками могли только специалисты, поскольку содержание аннотированных работ не давалось. В ИНИОН меня, в первую очередь, интересовал американский научный журнал «История сегодня», в котором я искал интересные статьи по истории СССР и кое-как их прочитывал, пользуясь своим «знанием» английского языка. В библиотеке Института истории я брал и также кое-как прочитывал антимарксистские исследования по истории СССР американцев и англичан. В читальном зале институтской библиотеки постоянно выставлялись на просмотр новейшие поступления иностранной

литературы по истории из Англии, США и других западных стран.

Определили меня в Отдел истории советского крестьянства, которым руководил доктор исторических наук В.П. Данилов, известный специалист по советской деревне периода новой экономической политики. В составе Отдела было 7 сотрудников: доктор Н.А. Иваницкий, специалист по коллективизации и раскулачиванию; Шура Тюрина, молодая выпускница МГУ, уроженка Вологды, исследовательница послевоенной деревни, готовила кандидатскую диссертацию, в конце 70-х гг. защитила докторскую, но в 80-е гг. скончалась – талантливая была особа; доктор И.Е. Зеленин, из московских учителей, специалист по истории совхозов, автор нескольких весьма скучных монографий; М.Л. Боценко, кандидат, специалист по коллективизации; В.В. Кабанов, молодой кандидат, выпускник Московского историко-архивного института, специалист по аграрной истории 1917-1918 гг.; М.А. Вылцан, кандидат, латыш из Сибири, специалист по советской деревне предвоенного времени; В.Ф. Зыбковец, бывший репрессированный. И мы, два аспиранта: я и Володя Долгов, москвич, выпускник МГУ.

В конце ноября 1965 г. всех нас, новоиспеченных аспирантов, пригласил на краткую беседу – ознакомление директор Института академик В.М. Хвостов, известный специалист по международным отношениям и внешней политике России во второй половине XIX-начала XX вв. Представлял нас зав. сектором истории советского общества Ю.А. Поляков, ставший незадолго до этого член-корреспондентом Академии наук.

Как я уже упоминал, два дня в неделю мы были обязаны присутствовать в Институте, участвовать в работе своего Отдела, а также в общеинститутских мероприятиях. Основная деятельность сотрудников проходила в библиотеках и архивах. Каждый имел годовой план работы, по которому должен был периодически отчитываться. Так что трудовая дисциплина была хотя и не казарменная, но обязательная. Невыполнение плана грозило серьезными неприятностями. На присутственных заседаниях параллельно со всякой рутинной происходили интересные для нас беседы: сотрудники обменивались последними архивными изысканиями, оценками результатов исследований, зачастую рассказывали любопытные детали о

неизвестных, скрытых событиях и процессах советской истории.

Так, Зыбковец, рассказывал подробности убийства С.М. Кирова, которые здорово расходились с официальной версией, озвученной Хрущевым. Сам, Зыбковец, будучи молодым выпускником истфака Ленинградского университета и работником музея неожиданно для себя загудел в ГУЛАГ по кировскому делу. После хрущевской реабилитации был принят на работу в Институт, занимался в Отделе вопросами религии, сектантства, всяких суеверий. Вообще, в Институте работало много докторов и кандидатов, вернувшихся из ГУЛАГа после XX съезда КПСС. Многие из них открыто выступали с критикой Сталина, но сохраняли оценки и концепции российских революций, разработанные еще незабвенным М.Н. Покровским – первым марксистским историком России, как называл его В.И. Ленин. Рассказ Зыбковца об обстоятельствах убийства Кирова в 2003 г. подтвердил в одной из своих телепередач «Кремль-9» известный тележурналист А. Пиманов. Любопытно, что в своей книге «Опаленные властью», созданной на основе своих телепередач, Пиманов (видимо, заставили) опустил

пикантные подробности убийства Кирова Николаевым – оскорбленным мужем своей жены Мильды Драуле, ставшей любовницей Кирова.

Кроме обычной работы в Институте проводились интересные мероприятия. По большим праздникам (23 февраля, 9 мая и др.) устраивались встречи с известными военными политиками. Так, я был на встрече с маршалом Г.К. Жуковым, маршалом авиации А.Е. Головановым (в годы войны командовал дальнебомбардировочной авиацией), генералами – ветеранами войны, реабилитированными деятелями: старым большевиком А. Снеговым, бывшим секретарем ЦК ВЛКСМ в 1928-1929 гг. А. Мильчаковым, сыном командарма И. Якира Петра.

Бегал я также в Политехнический музей, где проходили чтения по теоретическим вопросам исторической науки, которые вел известный историк либерального направления М. Гефтер. В 1967 г. идеологический отдел ЦК КПСС приказал прекратить эти чтения.

В институте мы слушали выступления известных советских историков. А.Л. Сидоров, тогда заведующий Отделом истории российского капитализма, сделал большой доклад (вскоре

опубликованный в журнале «История СССР») о предпосылках Октябрьской революции. На основе своих изысканий Сидоров опровергал тезисы Сталина об азиатской отсталости России и развивал марксистско-ленинскую концепцию среднеразвитого уровня российского капитализма, доказывая, что в стране к 1917 году уже созрели предпосылки перехода к социалистической революции.

А.Л. Сидоров, доктор исторических наук, крупнейший специалист по истории российского капитализма, ученик знаменитого М.Н. Покровского был человеком сложной судьбы. Когда в конце 1930-х гг. по указанию Сталина начался разгром школы Покровского и гонение на его учеников Сидоров чуть не угодил в тюрьму, лишился работы, вынужден был уехать на Дальний Восток. Там тоже его прижали. Он вернулся в Москву, мыкался некоторое время без работы, но как истинный ученый днями просиживал в Ленинской библиотеке (там тогда кроме паспорта никаких документов и анкет для получения читательского билета не требовали) и настойчиво работал над своей излюбленной темой – царская Россия в годы Первой мировой войны, т.е. состояние ее экономики, финансов,

отношения с союзниками – странами Антанты.

В 1939-1940 х гг. вышел в двух частях сборник «Против антимарксистской концепции Покровского», в котором участвовали многие ученики Покровского, теперь яростно его поносившие. Вынужденно, естественно, иначе самих бы понесли. Сам Покровский этого позорища уже не увидел. Он благоприятно скончался в 1934 году и с почетом был похоронен у Кремлевской стены. Сидоров тоже должен был участвовать в сборнике и получил всевышнее прощение. В годы войны он защитил докторскую по своей теме. В 1960-е гг., как раз накануне кончины, издал ее в двух монографиях.

Выступал перед нами профессор Б.Ф. Поршнев, известный специалист по истории средневековой Франции. В 1948 году партийные идеологи подвергли его шельмованию за серию статей по антифеодальным волнениям во Франции XVII века. Но он удержался. Вообще, Поршнев был большим эрудитом и философом от истории. Во время моей аспирантуры он увлекся проблемой снежного человека. А перед нами выступил с докладом, в котором обосновывал идею необходимости

перехода от изучения истории какой-либо одной страны к комплексному изучению группы стран – целых цивилизационных блоков.

Слушали мы выступление Э.Б. Генкиной, ученицы М.Н. Покровского. Она специализировалась на изучении концепции строительства социализма, сформулированной В.И. Лениным после 1917 года. В своем выступлении Генкина поддержала идеи Ю.А. Полякова, высказанные им в нашумевшей книге «Переход к НЭПу и советское крестьянство», которая помогла автору стать член-корреспондентом АН СССР. Генкина доказывала, что не только чисто экономические причины потребовали отказа от военного коммунизма, а, прежде всего, социальные, т.е. необходимость успокоить крестьянские массы, привлечь их к строительству социализма. Тогда это звучало как некое откровение, заставляющее нас обратить внимание на такие мысли Ленина, которые мы под воздействием партийных идеологов не замечали в упор, изучая ленинские труды.

Как-то выступал перед нами академик И.И. Минц, «курафей» по истории Октябрьской революции [3]. Этаким розовый, упитанный

коротышка. Он был когда-то чуть не героем Гражданской войны, комиссаром в корпусе червонных казаков В.М. Примакова, рубил пашкой головы белякам. Затем ушел в науку, стал секретарем редакции Истории революции и гражданской войны, организованной А. Горьким. Вместе они успели выпустить первый том из задуманных пятнадцати. После смерти Горького почти всю редакцию репрессировали. Вместо участников революции и исследователей по указанию Сталина туда напихали партийных функционеров. Сам Минц остался секретарствовать. В 1942 году удалось выпустить второй том, где в сталинском духе излагалось восстание большевиков в октябре 1917 года. В 1948 году – в разгар борьбы с космополитизмом на Минца обрушилась яростная критика, но он благополучно ее пережил, продолжая «углублять» историю Великого Октября. А вот его друга – профессора А. Разгона изгнали из Москвы в Томский университет, где он с горя запил.

Сам Минц уже после смерти Сталина завершил издание истории Гражданской войны. Правда, вместо запланированных оставшихся 13 томов издали всего три. Но сосредоточив у себя все материалы

по 1917-1918 годам, организовав бригаду-коллектив «негров» от науки, Минц под своей фамилией к 40 летию Октября разразился объемной 3-томной Историей Великой Октябрьской социалистической революции. Через 10 лет ее издание повторили. В 1968 году в Институте произошел скандал. На парткоме Минца обвинили в присвоении всего гонорара за этот «кирпичный» опус, хотя Минц осуществлял только общее руководство, а сам опус варганили его «негры». Главным обвинителем выступал доктор В.П. Данилов, в Отделе которого я состоял аспирантом. Но Минц привык к таким передрягам, вытер всю вражескую слюну и продолжил свои «изыскания» по истории. Минц благополучно скончался, достигнув почти 100 – летнего возраста.

Перед нами Минц выступил с бодрой лекцией, как он разоблачал фальсификаторов советской истории, будучи в командировке в США. Тут я вспомнил, что мне рассказывали аспиранты – москвичи о поездке в Париж с чтением лекций нашего главного археолога, директора Института археологии академика Б.А. Рыбакова. На первых же лекциях по истории Киевской Руси его «задолбали» неудобными вопросами российские эмигранты. И

Рыбаков вынужден был прекратить свое лекционное турне.

В нынешнее время концепция Октябрьского переворота, совершенного большевиками и объявленная ими Великой революцией, подвергается обоснованной критике. К этой концепции уже скептически стал относиться новый директор Института истории академик П.В. Волобуев, сменивший Хвостова в 1967 году. За это в 1972 году Волобуева с треском сняли, и он был вынужден уйти работать в Институт истории естествознания и вернулся в Институт уже в период горбачевской перестройки. Сейчас разгромной критике подверг концепцию Минца ученик Волобуева В.П. Булдаков, выпустивший объемистый труд «Красная смута», где он доказательно опровергает версию событий 1917 года, созданную большевистскими вождями во главе с Лениным. По мнению В.П. Булдакова никакой Октябрьской социалистической революции не было, а было продолжение Февральской революции, вылившейся в захват власти кучкой большевиков посредством военного переворота. Но в то время так не то, что писать, думать нельзя было. Только втихаря, по всяким библиотечным курилкам шло

обсуждение новых взглядов на события 1917 года.

Вообще, в этих курилках, особенно в Ленинской библиотеке, можно было услышать много интересного. Так, однажды доктор наук А.А. Фурсенко, папаша недавнего министра образования, специалист по истории США, сообщил сенсационную информацию, обнаруженную им в английских архивах во время одной из научных командировок. Оказывается, один из отцов основателей независимых США Александр Гамильтон был тайным агентом английского короля Георга III и регулярно сообщал Его величеству намерения Вашингтона и других своих коллег. И только, когда недавно эти архивы рассекретили, всплыла картина антипатриотической деятельности Гамильтона. Но как бы там ни было, не помог сей тайный агент аглицкому королю удержать Америку в качестве колонии Великобритании.

Ехидно обсуждалась деятельность академика М.В. Нечкиной в качестве руководителя группы по изучению второй революционной ситуации в России, связанной (как в свое время утверждал В.И. Ленин) с деятельностью народников.

Дымившие сигареты спецы (особенно молодые) язвительно подчеркивали, что тетя Мила каждую уголовщину, происходившую тогда в России на почве безудержного пьянства, записывает в разряд классовой борьбы против царизма. В результате сложилась совершенно дутая статистика революционных выступлений в 70-80 – е гг. XIX века. Спецы постарше полагали, что таким образом «академша» отмывается от грехов юности, когда она поносила анонимного социал-демократа, автора ряда статей в дореволюционных журналах, за его искажение марксистской теории. А потом к ее конфузу выяснилось, что этим автором был Ленин.

Так же подсмеивались над новоиспеченным академиком, директором Института этнографии Ю. Бромлеем. Говорили, что когда готовились очередные академические выборы, он обошел всех членов академического президиума и уговаривал каждого проголосовать за него, с извинениями объясняя, что де я уверен, что меня вряд ли изберут, но мне будет приятно узнать, что вот вы голосовали за меня. И когда прошли выборы, президиум с изумлением уяснил, что Бромлей прошел в академики единогласно.

В этой же курилке оживленно обсуждали первые антибольшевистские, антиленинские инвективы известного писателя В. Солоухина, позднее в 1992 году обнародовавшего их в книге «При свете дня».

Мы также посещали всякие научные мероприятия, проходившие вне стен Института. В сентябре 1965 года в Доме союзов прошла международная конференция, посвященная 30 – летию VII Конгресса Коминтерна. Открывал ее член Политбюро, секретарь ЦК КПСС по идеологии М.А. Сулов. В мае 1966 года я присутствовал на конференции историков в старом здании МГУ на Моховой. Она была посвящена либеральным реформам Александра II. руководил конференцией П.А. Зайончковский. Затем участников возили по экскурсиям. Я ездил во Владимир.

Хотя хрущевская оттепель быстро сменялась брежневскими «заморозками», но либеральный дух в академических кругах еще не выветрился. Самиздат тогда только начинался, но уже в машинописных копиях ходили по рукам мемуары матери известного писателя В. Аксенова Е. Гинзбург, колымские рассказы В Шаламова. Мне удалось их прочитать, но по своему

провинциализму я тогда еще не осознал их истинного значения.

А между тем «закручивание гаек» все усиливалось. В эти годы сотрудники института напряженно трудились над многотомной Историей СССР. Она издавалась в двух сериях. Работы над сериями велись одновременно. Планировалось все издание выпустить к 50 – летию Октября. Первая серия (6 томов) охватывала период с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Публикация этой серии осуществилась очень быстро в 1966-1968 гг. Публикация второй серии (предполагалось тоже 6 томов), охватывавшей период от Октябрьской революции до наших дней, проходила в 1967-1980-х годах. С этой серией дело обстояло сложнее. Если VII и VIII тома появились в 1967 году, то издание IX тома, в котором описывалось построение социализма в СССР в 1933- 1941 годы, вышло только в 1971 году. Соответственно задержался выпуск X и XI томов. XI том кончался изложением событий 1961 года. XII том так и не вышел. Такой же финал имело издание Истории КПСС. Вместо объявленных шести томов вышло

пять. Издание кончили событиями 1959 года.

Я присутствовал на собрании сотрудников Института, на котором обсуждали IX том. Авторы жаловались, что по требованию партийной цензуры им приходится приводить освещение оценки событий 1930-х годов в соответствии с тем, как это подается в многотомной истории КПСС. Пришлось выбросить материалы об издержках коллективизации и индустриализации, о репрессиях и других острых сюжетах. IX том оказался самым «тощим», другие тома обеих серий имели по 700-800 страниц, а этот только 550.

Много разговоров было по поводу разгрома авторского коллектива второй книги V тома Истории КПСС, посвященной послевоенному периоду, за «гнилой либерализм и критику послевоенного сталинизма». В результате председателя редакционной комиссии старого партийного функционера П.Н. Пospelова перевели в рядовые члены, а его заместителя Д.М. Кукина, вообще, изгнали. Для усиления ортодоксальных позиций в состав редакционной комиссии ввели знаменитого С.П. Трапезникова. В переработанном и подправленном виде эта книга

вышла в 1980 году, что позволило, наконец, выпустить и XI том Истории СССР.

В 1965 году в издательстве «Наука» вышла тоненькая книжка сотрудника Института, доктора наук А.М. Некрича «22 июня 1941 года». В этой книжке Некрич – фронтовик, потерявший на войне старшего брата, проанализировав опубликованную литературу, мемуары фронтовиков, убедительно показал, что Сталин проморгал угрозу со стороны Гитлера, проигнорировал предупреждения разведчиков, дипломатов. И это привело Красную армию к катастрофе летом 1941 года. Ничего нового в этой книжке не было, и в начале она прошла незамеченной. Но затем партийные идеологи спохватились и начали гонение на автора за «фальсификацию», «клевету», и прочие «грехи». Директор издательства, сам бывший фронтовик – правда, он был на войне комиссаром-агитатором, академик А.М. Самсонов был вызван в ЦК и ему пригрозили серьезным взысканием. Он кое-как оправдался, что книжка вышла без его ведома, вне плана. В самом издательстве Самсонов закатил истерику, что где-то из-за какого-то еврея он не хочет терять партбилет,

и наказал ответственного за выпуск книжки.

Но на этом дело не кончилось. По инициативе секретаря ЦК КПСС М.А. Сулова – «серого кардинала» состоялось в 1966 году обсуждение книжки в Институте марксизма-ленинизма. Мне было интересно послушать, и я побывал в этом громадном мрачном здании недалеко от ВДНХ. Вход на обсуждение был свободный. Обсуждение к разочарованию партийных идеологов закончилось ничем. Партийные функционеры от науки книжку во всю ругали, а отставные генералы – ветераны войны одобряли и указывали, что Некрич привел мало фактов, можно было посильнее изобразить причины катастрофы. Тем не менее, после этого Некрича без всякого согласования с руководством Института и партийным комитетом (а он сам был членом парткома) вызвали в ЦК КПССС, отобрали партбилет (а он его получил на фронте), выгнали с работы и запретили печататься (а Некрич был известным специалистом по международным отношениям периода Второй мировой войны).

Я помню Некрича, поскольку он, хотя был сотрудником сектора всеобщей истории, но как член парткома весной 1965 года

направлял нас аспирантов на сельхозработы в подшефный совхоз. Опальный Некрич уже в 1970 е годы эмигрировал во Францию, стал профессором Сорбонны и в сотрудничестве с еще одним эмигрантом из России профессором М. Геллером опубликовал 3 – х томник «Утопия у власти» - историю большевистского режима с 1917 по 1991 год. Очень интересное исследование, содержащее массу фактов, тогда еще неизвестных советскому читателю. Таким вот образом система жестко реагировала на публичную критику, но пока не преследовала «кухонные разговоры» в узком кругу.

В феврале 1966 года мы, аспиранты, сдали кандидатские экзамены. И теперь надо было ускорить работу над диссертацией. Если раньше большую часть времени я проводил в библиотеке, то теперь сидел в архиве. Мой шеф посоветовал мне для начала заглянуть в Министерство сельского хозяйства. В министерском архиве он нашел богатейший материал для своей монографии. Но в министерстве мне сказали, что все документы послевоенного времени уже переданы Центральный архив народного хозяйства (ЦГАНХ), который входит в общий архивный комплекс, расположенный на

Пироговской улице недалеко от Новодевичьего монастыря и Лужников. Я эти места знал, поскольку осенью 1961 года работал в ЦГАОРе, находящемся в этом же комплексе. У меня был пропуск в архив. Я проходил в читальный зал, просматривал каталог, выписывал номера нужных дел и заказывал их дежурному архивисту. И через некоторое время мне приносили кипу папок с документами. Многие документы исходили из правительства и имели подписи Сталина, Маленкова. С утра, часов с 10 и до 5, а то до 6 вечера приходилось «горбатиться» над этими делами, выписывая необходимые цифры, факты, события, имена. Народу в зале работало не много. Мои записи в этом архиве не проверяли.

По совету шефа я наведалься также в архив РСФСР, посмотрел там несколько дел и убедился, что ничего нового в них нет. Они во многом повторяют материалы ЦГАНХа. В Отделе аспирантуры мне предлагали командировки в областные архивы, но я рассудил, что в Центральном архиве я найду все, что надо, а эти поездки только отнимут драгоценное время и потребуют немалых денег.

Работа над диссертацией привела меня к более четкому осознанию

задач, стоящих перед исследователем. Это, во-первых, уметь понять, выявить, некие общие закономерности, скрывающиеся за всякими различными, особыми социальными положениями, событиями, обстоятельствами. Во-вторых, увидеть, понять, как конкретно эти общие закономерности трансформируются в некие особенные, отличительные проявления в зависимости от обычаев, событий, обстоятельств социальных положений.

А время бежало неумолимо. Наступил 1967 год. С нас уже начали требовать представления первых глав наших опусов. И как водится, мы запаздывали с выполнением плана. Непросто было кучу набранного материала втиснуть в жестко ограниченные рамки диссертации. В апреле Отдел аспирантуры провел собрание и устроил нам жесткую выволочку, пригрозив, что если мы до осени не представим на обсуждение первые варианты опусов, то нас могут отчислить. А тогда, как мы понимали, могут возникнуть серьезные проблемы с трудоустройством. Пришлось форсировать темпы и спешно «стряпать» разделы своих диссертаций, не заботясь о литературной читабельности.

А тут еще возникла серьезная проблема. Чтобы допустили к защите, надо было иметь не менее двух публикаций в серьезных исторических журналах или сборниках. Для аспирантов, делающих диссертацию в своих вузах, проблем не было. Но многие из нас были в Институте пришлыми, связей с журналами не имели. Оставалось искать содействия у своего руководителя, но, прежде всего, надо было сдать статью в приемлемом виде. И приходилось разрываться между работой над диссертацией и сочинением статьи. Ю.В. Арутюнян, мой руководитель, обещал помочь пристроить мою статью в журнал «История СССР». Вообще, так обстояло дело всех аспирантов.

Каждый год, в июле-августе, нам полагались каникулы. Я обычно проводил их в Кордоне с семьей. У меня уже росла дочь. Моей Бэлле было трудно без меня, и эти два месяца как-то скрашивали нашу разлуку. Последнее лето, лето 1967 года, я остался в Москве, надо было завершать свою работу. В сентябре я представил черновой вариант диссертации на обсуждение Отдела. В целом коллеги положительно оценили мою работу. В.П. Данилов отметил, что я умею подчинять материал своей концепции. Вместе с

тем мне было сделано немало замечаний и советов.

В это время Отдел пережил ряд потрясений. Уже несколько лет под руководством Данилова сотрудники трудились над двух томной «Историей коллективизации», где стремились дать объективную картину этой трагедии советского крестьянства. Но по инициативе Л.И. Брежнева зав. сектором науки ЦК КПСС был назначен его ближайший друг, некто С.П. Трапезников, который успел в качестве докторской издать свой опус о коллективизации, в котором во всю прославлял аграрную политику партии, т.е. Сталина, в духе сталинского Краткого курса объяснял ее издержки. А на институтскую историю уже была объявлена подписка, уже сделали набор. Вот-вот 2х томник должен был выйти в свет. Но по распоряжению Трапезникова без всякого общественного обсуждения набор рассыпали, Данилова освободили от руководства Отделом (хорошо, что не уволили). На должность руководителя прислали из Академии общественных наук при ЦК КПСССС доктора И.М. Волкова, специалиста по истории послевоенной деревни. Уже при первом знакомстве стало ясно, что это не ученый - исследователь, а

типичный партийный идеолог – пропагандист. Волков настойчиво, хотя и без грубостей, начал искоренять либеральный дух Отдела. Меня это уже особо не волновало, надо было заканчивать аспирантуру.

Передо мной теперь стал вопрос о поиске работы. В Москве трудоустроиться было нельзя из-за невозможности получить постоянную прописку. Возвращаться в Пермь я не хотел – там был холодный климат. В родную Уфу тоже не тянуло. В Башкирии, как во многих национальных республиках, местная доморощенная национальная интеллигенция заносчиво смотрела на русских коллег. И я начал переписку с

провинциальными пединститутами, находившимися в областях южнее Москвы.

И в ноябре получил письмо из Ельца, от зав. кафедрой марксизма-ленинизма М.Ф. Силаева, который приглашал меня на работу в Елецкий пединститут. Я ездил в Елец, побывал в ЕГПИ, познакомился с Силаевым, преподавателями кафедры, ректором А.И. Святкиным. И город, и пединститут мне понравились. И, вот, с конца ноября 1967 года я начал работу в ЕГПИ и осел в Ельце на всю оставшуюся жизнь, о чем не жалею. И моей Бэлле Елец тоже сразу пришелся по душе, чем то, напоминая ей родную Украину.

(продолжение следует)

Список литературы:

1. Дробижеева Л. М. Памяти Ю.В. Арутюняна //Социологические исследования. 2016. № 10 (309). С. 167-168.
2. Палабугин Виталий Константинович: библиографический указатель /сост. В.И. Ряполова, авт. вступ. ст. Д.А. Ляпин. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. 32 с.
3. Поляков Ю. А. Ровесник эпохи // Отечественная история. 2004. № 4.

References:

1. Drobizheva L.M. Pamyati Yu.V. Arutyunyana //Sociologicheskie issledovaniya. 2016. № 10 (309). S. 167-168.
2. Palabugin Vitalij Konstantinovich: bibliograficheskij ukazatel' /sost. V.I. Ryapolova, avt. vstup. st. D.A. Lyapin. Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2013. 32 s.
3. Polyakov Yu. A. Rovesnik epohi // Otechestvennaya istoriya. 2004. № 4.